

Солженицын Александр

Культура. — 1998. — 10 — 16 дек. — с. 1

Одна эпоха Александра Исаевича

Солженицына нужно заслужить

Пытаться облечь явление по имени Солженицын в свои слова — примерно то же, что пробовать петь на большой горной высоте. С культурой прошлого — будь то Пушкин или "Слово о полку...", Толстой или Лермонтов — проще: там воздух менее разрежен, многие главные слова сказаны до нас и за нас, большую видится на расстоянии. А тут нечто, явно превышающее привычные нам человеческие возможности, имеющее в культуре очевидно фундаментальный характер и в то же время наследующее ее коренные традиции, а сверх того, отмеченное беспримерной персональной ролью в отечественной и мировой истории, воплощено в таком же, как мы, человеке с руками и ногами, который живет рядом с нами, работает, как вол, о нем не возбраняется нести люблю околосицу, а помешать ему говорить с людьми, выставив из телевизора, — дело пяти минут, притом не для царя, генсека или КГБ, а просто для наиногого за хорошие деньги чиновника. Совсем другая дистанция. К тому же и слова сегодня потеряли цену, значение и звучание, образовался какой-то лилипутский язык, в котором "великие" — популярные певицы, известные артисты — на каждом шагу, как грибы; твердая же ценность сомнительна и подлежит иронической ухмылке. Как тут говорить о том, что на самом деле велико.

Другая веха — "Теленок". Читал запоем — как Данте, как детектив, как мениппео в духе Петрония или Свифта, как "Капитансскую дочку". И до сердцебиения, до дрожи в коленках — эпический и душераздирающий, трагический, полный сердечного любования гениальный портрет Твардовского. Кто из обиженных и обидевшихся, уединившихся в суете и мятве идеальных ссор, не выше сапог, мог бы хоть в воображении воздвигнуть великому поэту памятник такой жизненной мощи, такой проникновенной сомасштабности?

Перед "Архипелагом" и "Красным колесом" я умолкаю: слишком многое можно сегодня выразить в словах. Карамзин — Пушкин — Достоевский; может быть, Бах. Нравственный пафос, объективность и высокая точка обзора, головокружительная смелость и полифоническая стройность создания, обеспеченные нечеловеческой громадой черной работы (зримый, еще горячий пример которой — "Россия в обвале"). В целом при всех поводах для чых-нибудь несогласий "Архипелаг" и "Колесо" нынешней критике недоступны, не подлежат. Не потому, что "нельзя" или что последняя истина — нет. Никаким собственно литературным, отвлеченно-профессиональным способом понимание этого человеческого и художественного подвига не приобретается, чтобы приобрести — надо отдалиться, пройдя дальше, по той исторической дороге, которая нам предстоит и будет, верно, недешево стоить.

"В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой... был куплен шкипером за бутылку рома.

...В одной газете официально сказано было, что я мещанин во дворянстве. Справедливее было сказать дворянин во мещанстве.

В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен, и что портрет мои слишком лястивы. На эту личность я не отвечал, раньше Байрона и Шекспира, а теперь вот Пастернака и Бродского.

С тем же, кто скажет, что "линия" Достоевского как раз и есть прямое и органическое продолжение "линии" Пушкина, там и разговаривать станут разве лишь из вежливости.

Впрочем, мы и сами недалеко ушли, и у нас почти то же, и притом издавна (вспомним одиночество и Пушкина, и Достоевского), но особенно сейчас, в условиях всеобщего насилиственного разделения и обособления. Разделение идет как вширь — по стране, так и свер-

ху вниз — по "слоям населения"; и культуру искусственно поляризуют, жестко деля на "массовую" и "элитарную", рыночную и приватдоцентскую, разрушая возводимое веками здание. Поэтому нет, быть может, сегодня в культуре более чужого и одинокого человека, чем единицей, связующей Солженицын. Но тот камень кладки, который не дает обрушиться своду и называется замковым, тожеывает один.

В отношениях с очень большим явлением культуры у каждого своя история, свои вехи понимания, своя лирика. Мой главный лирический момент — "Матренин двор": в "Огоньке", в деревне на Волге (или это мне сейчас так кажется, что на Волге и в той деревне?), — как тром, как любовь или музыка, как "буря мгла", миг полного узнавания, опознания: мое! И какими-то неведомыми путями — несомненная помощь в формировании моего взгляда на Пушкина.

Другая веха — "Теленок". Читал запоем — как Данте, как детектив, как мениппео в духе Петрония или Свифта, как "Капитансскую дочку". И до сердцебиения, до дрожи в коленках — эпический и душераздирающий, трагический, полный сердечного любования гениальный портрет Твардовского. Кто из обиженных и обидевшихся, уединившихся в суете и мятве идеальных ссор, не выше сапог, мог бы хоть в воображении воздвигнуть великому поэту памятник такой жизненной мощи, такой проникновенной сомасштабности?

Перед "Архипелагом" и "Красным колесом" я умолкаю: слишком многое можно сегодня выразить в словах. Карамзин — Пушкин — Достоевский; может быть, Бах. Нравственный пафос, объективность и высокая точка обзора, головокружительная смелость и полифоническая стройность создания, обеспеченные нечеловеческой громадой черной работы (зримый, еще горячий пример которой — "Россия в обвале"). В целом при всех поводах для чых-нибудь несогласий "Архипелаг" и "Колесо" нынешней критике недоступны, не подлежат. Не потому, что "нельзя" или что последняя истина — нет. Никаким собственно литературным, отвлеченно-профессиональным способом понимание этого человеческого и художественного подвига не приобретается, чтобы приобрести — надо отдалиться, пройдя дальше, по той исторической дороге, которая нам предстоит и будет, верно, недешево стоить.

"В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой... был куплен шкипером за бутылку рома.

...В одной газете официально сказано было, что я мещанин во дворянстве. Справедливее было сказать дворянин во мещанстве.

В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен, и что портрет мои слишком лястивы. На эту личность я не отвечал, раньше Байрона и Шекспира, а теперь вот Пастернака и Бродского.

С тем же, кто скажет, что "линия" Достоевского как раз и есть прямое и органическое продолжение "линии" Пушкина, там и разговаривать станут разве лишь из вежливости.

Впрочем, мы и сами недалеко ушли, и у нас почти то же, и притом издавна (вспомним одиночество и Пушкина, и Достоевского), но особенно сейчас, в условиях всеобщего насилиственного разделения и обособления. Разделение идет как вширь — по стране, так и свер-

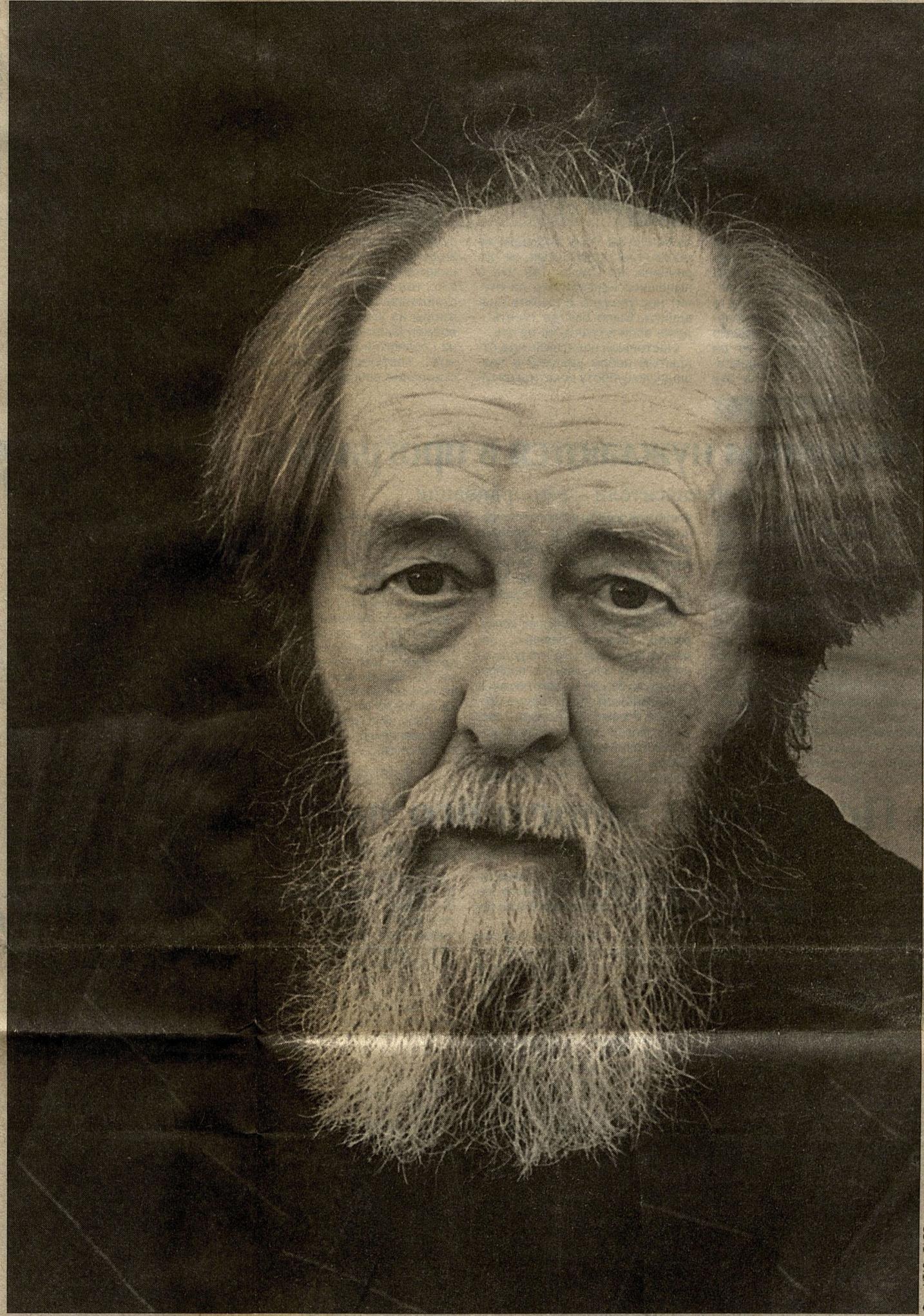

Фото ИТАР-ТАСС

борцы за отъезд из "этой страны" —

были родственны в одном:

в презрении к "этому" народу,

в создании своей элитарной отделенности от него.

Приступая к реформам,

никто из них не хотел знать,

что такое "эта" страна,

что в ней нужно —

и полезно, а что ей отвратительно

и вредно.

Превозно достоинство и права человека, заведомо отвергли

достоинство и права нации и народа.

И как только появился Солженицын,

он почти мгновенно стал чужим.

Его точка отсчета — Россия,

ее опыт, история, духовный строй и ценности, а не макроэкономические панацеи и либеральные универсалии, заимствованные у "империи добра".

Ниакие прошлые

заслуги этого извинить не могли.

Дурные эмоции вроде раздражения,

страха или ненависти всегда

ищут себе оправдание, окопаться

в чужих грехах, реальных и мнимых,

— лучший способ самоутверждения.

В последнее время вошла в

моду тема "демонизма" Солженицына.

Здесь не место размышлять

о том, из какой духовной темноты,

да и просто безграмотности, возникла эта тема.

Но нечто подобное

обязательно должно было

появиться в условиях тяжелой болезни человеческого духа, называемой постмодернизмом.

Суть ее — в неприязни ко всякой твердой

системе ценностей, в неприятии

ценностного мышления вообще,

и уверенности в нашем понимании

наших понятий".

Там, где господствуют не вертикального измерения бытия.

Все это, помимо прочего, суть

качества homo economicus в отли-

чие от homo sapiens.

Россия к этому

не привыкла — тем труднее ей

осваивать эти качества; оттого общество

нашее — при катастрофич-

ности внешнего бытия, при полити-

ческой, экономической и идейной

сумятице — находится в тяжкой ду-

ховной прозрации, воля его — в со-

стоянии анемии.

Так вот, там, где

лестница ценностей брошена в го-

ризонтальное положение, появле-

ние вертикали выглядит угрозой;

как говорил Козьма Протков, "мно-

гие вещи нам непонятны не потому,

что наши понятия слабы, но по-

тому, что сии вещи не входят в круг

наших понятий".

Там, где господст-

вуют не человеческие идеалы,

а лилипутские интересы, сила духа

не находит иного определения, как демонизм.

...Перечитывая, вижу, что ме-

нее всего говорю о Солженицыне

— все вокруг и вокруг.

Но о том, чему

определен в наше время быть

примером и символом нашего на-

ционального достоинства, во что

вложена цель — вселить надежду

и уверенность в нашей силе и ду-

ховной неистребимости, об этом

поди найди сегодня слова, кото-

рые не были бы сопряжены с воз-

духом...

Завидую тихому шедевру

Сокурова.

Валентин НЕПОМНЯЩИЙ

От изгнания до возвращения

Александр Солженицын, которому 11 декабря исполнится восемьдесят лет, категорически отказался от общения с журналистами и не собирается устраивать торжества по случаю дня рождения. Но отечественное телевидение не смогло пройти мимо этой исторической культурной даты.

Канал НТВ уже представил зрителям четырехсерийную ленту "Жизнь Солженицына", подготовленную здесь к знаменательной дате. Никогда прежде — ни в России, ни за рубежом — о нашем великом современнике не снимался биографический фильм.

Создателям фильма очень повезло: они в отличие от пишущих журналистов получили обширное интервью для фильма, в котором также широко использованы виде- и фотоархивы классика. Фильм "Жизнь Солженицына" снят Юрием Прокофьевым, Леонидом Парфеновым, Алексеем Пиццулини.

Игорь ВЕКСПЕР

(Рецензию на фильм А. Сокурова "Узел" читайте на 4-й стр.)

Негромко, вполголоса

4 декабря в Литературном музее собрались люди, чтобы в канун юбилея Александра Исаевича Солженицына отметить и двадцатипятилетие со дня выхода "Архипелага ГУЛАГ". Над подиумом в небольшом музейном зальчике, словно герб гулаговского братства, висела старая политическая карта СССР с нанесенными на нее "лагерными" точками. Зеки трех поколений собирались здесь, чтобы отметить две даты, неразрывно связанные с их собственными судьбами. Организаторы вечера — общество "Мемориал" и Литературный музей — подготовили также выставку книг, выпущенных "Мемориалом" и посвященных описанию гулаговских лагерей. А презентация нового энциклопедического справочника "Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923 — 1960" явилась для собравшихся, а теперь уже и не только для них, важным событием, ибо справочник раскрывает эту тему с документальной точностью. Елена Чуковская и Сергей Ковалев, Арсений Рогинский и Лев Тимофеев, Серго Ломинадзе, Феликс Светов, Григорий Явлинский, многие другие подчеркивали необычайную злободневность "Архипелага ГУЛАГ", ставшего настольной книгой для тысяч и тысяч. Да, сегодня, когда на полном серьезе государственные люди дебатируют вопрос о восстановлении каторги и памятника Дзержинскому, сочинение это действительно, как никогда, злободневно, ибо избавляет от незнания прошлого, заставляет еще и еще раз справедли